Literaturnoe nasledie B.G. Men'shagina i fragment ego interv'iu 1978 goda

Vstupitel'naia stat'ia i publikatsiia Pavla Poliana

*L'héritage littéraire de B.G. Menšagin et un extrait de son entretien de 1978,
présentés par Pavel Polian*

*Literary legacy B.G. Men'shagin and excerpts from his interview held in 1978,
introduced by Pavel Polian*

Pavel Polian

Édition électronique

URL : <https://journals.openedition.org/monderusse/10553>

DOI : 10.4000/monderusse.10553

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 octobre 2018

Pagination : 521-552

ISBN : 978-2-7132-2747-9

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Pavel Polian, «Literaturnoe nasledie B.G. Men'shagina i fragment ego interv'iu 1978 goda», *Cahiers du monde russe* [Онлайн], 59/4 | 2018, Выложить онлайн 01 janvier 2022, Наводить справки в 08 janvier 2022. URL: <http://journals.openedition.org/monderusse/10553> ; DOI: <https://doi.org/10.4000/monderusse.10553>

LITERATURNOE NASLEDIE
 B.G. MEN'SHAGINA
 I FRAGMENT EGO INTERV'IU 1978 GODA
 Vstupitel'naia stat'ia i publikatsiia Pavla Poliana

[L'héritage littéraire de B.G. Menšagin et un extrait de son entretien de 1978,
 présentés par Pavel Polian]

В последнее время в историографии все чаще всплывает имя Бориса Георгиевича Меньшагина (1902-1984) – бывшего бургомистра Смоленска и Бобруйска в годы немецкой оккупации. Всплывает прежде всего – как автора интереснейших в историческом плане свидетельств, но и как яркой и интереснейшей личности, чья уникальная судьба ставит перед историком много вопросов и заслуживает внимательного изучения и осмысления.

Кому еще выпало за жизнь сменить столько и столь разных амплуа?!

Жизнь Меньшагина структурирована судьбой достаточно жестко: до войны, во время войны и после войны. Он родился в дворянской семье в Смоленске 9 мая 1902 года, рос и жил в Бежице и Смоленске. До войны – делопроизводитель в штабах Красной Армии, затем советский правозащитник (так именовались до войны адвокаты), причем всамделишный, а не бутафорский: даже в годы Большого террора ему удавалось в своей смоленской провинции хоть иногда вырывать у смерти из пасти хотя бы нескольких невиновных!

Война застала его в Москве, а немецкий «Drang nach Osten» в родном Смоленске, нежданно-негаданно «вознесся» в русские бургомистры цепко оккупированного Смоленска, а после его оставления вермахтом, еще и Бобруйска. Апрельская 1943 года поездка в Катынь, где сияющие от пропагандистского счастья немцы докопались до братских могил расстрелянных НКВД польских офицеров¹, стала непредсказуемо роковой. Бегство с семьей из Бобруйска в Берлин, затем передислокация в чешский Карлсбад, одиночное интернирование в баварском лагере для ДиПи в Ауэрбахе и возвращение в

1. А может, и причастность к двум совместным детищам Геббельса и генерала Власова – «Смоленскому воззванию» и «Комитету освобождения народов России» (КОНР).

советский уже Карлсбад, где, не найдя своих, Меньшагин добровольно – от отчаянья – сам пришел в комендатуру и сдался.

Послевоенная треть жизни сложилась из 25 лет тюрьмы, проведенных на Лубянке и во Владимире в режиме строжайшей изоляции, и 15 лет одиночества в заполярной советской богадельне в Мурманской области, откуда он каждое лето вырывался «в отпуск» на юг, к друзьям, – в Москву, на Украину, на Волгу. Умер он 24 апреля 1984 года в Кировске за полмесяца до своего 82-летия, похоронен в некрашеном, без пелены гробу, на заснеженном и пустынном кладбище. Оставшееся после него материальное наследство – стопка из двух тысяч листов: конспекты прочитанного за многолетнюю тюремную и интернатскую жизнь.

В Москве между тем бережно и тайно хранились исписанные им в 1972 году на подмосковной даче школьные тетрадки с воспоминаниями, и магнитофонные кассеты с его интервью, взятыми его друзьями-диссидентами.

Самое время рассказать о собственно литературном наследии Б.Г. Меньшагина. Как видим, не столько он оставил его, сколько оно само, будучи подвергнутым выявлению и каталогизации, осталось после него.

Жанрово оно распадается на три части – собственноручные мемуары, собственноручные письма и записанные на магнитофонную пленку аудиointerview.

Мемуарное наследие состояло всего из двух текстов, один из которых – самый главный и полный, написанный в 1952-1955 (по предложению администрации Владимирской тюрьмы!), – утрачен или недоступен, а второй, написанный в 1972 г., почти полностью опубликован². О своих первых мемуарах Меньшагин так написал во вторых:

Воспоминания эти были посвящены моей жизни, работе и переживаниям за время с 22 июня 1941 и по 30 сентября 1951 года, то есть по день моего прибытия во Владимирскую тюрьму № 2. Я тогда еще очень живо сохранял в памяти все пережитое в эти годы во всех его деталях и переложил его на бумагу, придерживаясь правила писать правду и только правду, ничего не выдумывая, не скрывая своих ошибок и заблуждений, но в то же время избегая и лицемерного осуждения себя.³

Частью литературного наследия Б.Г. Меньшагина является и его эпистолярная. Выявлены два больших массива его писем 1971-1984 гг., адресованных В.И. Лашковой и Г.Г. Суперфину⁴. С некоторыми натяжками, но эпистолярией можно признать и письма Меньшагина из Владимирской тюрьмы

2. Б. Меньшагин, «Воспоминания о пережитом. 1941-1944» / Публ. и вступит. статья П. Поляна // *Новый мир* 2017. № 12. С.30-90 (Далее: *Меньшагин*, 2017). См. также: П.М. Поляна, «Борис Меньшагин и его воспоминания» // *Новый мир*. 2017. № 12. С.9-29.

3. Меньшагин, 2017. С.31.

4. Письма к Лашковой опубликованы в: «Заполярный интернационалец. Письма Б.Г. Меньшагина к В.И. Лашковой» / Публ. В.И. Лашковой, П.М. Поляна и Г.Г. Суперфина. Предисловие П.М. Поляна // *Новый мир*. 2018. № 9. С. 122-165 (Далее: *Меньшагин*, 2018).

наверх, в различные судьбоносные для него инстанции – партийные, правительственные, судебные, прокуратуру и в КГБ⁵.

Интервью с Меньшагиным сохранилось (а скорее всего и было сделано) – тоже два. Одно из них, взятое в 1981 году, легло в основу первой книги Меньшагина⁶. Фрагменты из второго, не повторяющие первое, – публикуются ниже.

Интервью было записано на пленку 10 июля 1978 года. Интервьюером была Нина Петровна Лисовская (5.4.1917-17.6.2007)⁷, биолог и сотрудница подпольного диссидентского журнала «Гласность». По свидетельству А.Ю. Даниэля, запись велась на ее квартире, где-то в «академических домах» на ул. Дмитрия Ульянова. Вполне возможно, что с технической стороны запись осуществлял Эрнст (Эрик) Титович Руденко. Однажды, по сообщению Н.Г. Левитской, он возил Меньшагина на запись в какой-то дом, где было два магнитофона⁸.

Интервью было напечатано на машинке, после чего Меньшагин прочел и авторизовал его. В архиве «Международного Мемориала» оно наличествует в двух идентичных и авторизованных версиях: в фонде Н.П. Лисовской (Ф.147. Оп.1. Д.19) и в коллекции Самиздата А.Е. Гурвича (Ф.175. Оп.22).

В обоих случаях мы имеем дело с правленными (и тем самым авторизованными) идентичными машинописями (каждая по 68 л.), но в папке из фонда Лисовской имеются еще и дополнительные материалы, в частности, однолистный текст под названием «Из старого» (автограф Меньшагина) и школьной тетрадкой с материалами к биографии Б.Г. Меньшагина, записанным рукой Л.И. Богораз.

Машинопись 1978 года содержит и вопросы интервьюера, что отличает ее от более «монологичного» текста более позднего интервью, легшего в основу книги, изданной в Париже в 1988 году.

Прежде чем быть изданной, книге нужно было пройти через цепочку последовательных и довольно типичных этапов. А именно: инициация и организация записи⁹, сама аудиозапись¹⁰, ее расшифровка, считка и подго-

5. См.: *Меньшагин Б.Г.* Письма наверх из Владимирского централа / Публ. и вступит. статья П.М. Поляна. Комм. Г.Г. Суперфина и П.М. Поляна // *Новый мир*. 2019. № 2. С. 103-136.

6. Б.Г. Меньшагин, *Воспоминания: Смоленск... Катынь... Владимирская тюрьма...* / Подг. К печати А. Грибанова, Н. Горбаневской, Г. Суперфина. Комментарии Г. Суперфина. Париж: YMCA-Press, 1988. 247 с. (Далее: Меньшагин, 1988)

7. Причисление к числу интервьюеров еще и А. Даниэля (А.А. Макаров, Заметки о Б.Г. Меньшагине (по материалам архива Общества «Мемориал») // Габриэлиада. К 65-летию Г.Г. Суперфина / Ред.: Г. Левинтон, Н. Охотин. [2009]. В сети: <http://www.ruthenia.ru/document/545574.html>; далее: Макаров, 2009) самим Даниэлем не подтверждается.

8. И не исключено, что именно к Н.П. Лисовской

9. В 1970-е, в отличие от 2010-х, это была довольно непростая стадия: магнитофоны были громоздкими, плен.

10. Она сохранилась у А. Грибанова.

товка текста интервью, а далее – погружение текста в исторический контекст, то есть его комментирование и иллюстрирование, снабжение сопроводительными статьями и комментариями. Этапы могут быть отделены друг от друга как продолжительными «цезурами» во времени, так и совершаться разными, – подчас даже незнакомыми друг с другом, – людьми в разных местах (и даже странах).

Сама запись датируется началом 1980-х гг. Состоялась она в Москве, но не у Н.Г. Левитской в коммуналке на Большой Пироговской, а где-то еще. Инициатором была, разумеется, Левитская, а вся техническая сторона лежала на ее друге – Валентине Николаевне Костине, инженере-акустике.

Тот и «расстарался»: заботясь о компактности хранения записи, он осуществил так называемую «монозапись» сразу на 4 дорожки, благодаря чему все, конечно, уместилось на одной кассете, но последующее воспроизведение и расшифровка становились делом довольно-таки затруднительным.

Вскоре после смерти Меньшагина возник вопрос о расшифровке и публикации этой записи. Техническая сторона была поручена Александру Борисовичу Грибанову¹¹, оставившему об этом обстоятельные воспоминания:

Год спустя после его смерти¹² у меня был разговор с Надеждой Григорьевной Левитской, у которой останавливался Меньшагин, когда попадал в Москву. Тогда-то и возникла идея – сделать книгу его воспоминаний. Как я понял, тема эта возникала в беседах между Левитской и Меньшагиным. Он вроде бы соглашался надиктовать текст на магнитофон, но при условии, что публиковать воспоминания будут только после его, Меньшагина, смерти. Я был готов к такой работе. Через какое-то время от Надежды Григорьевны пришел ко мне молодой человек¹³ и принес три¹⁴ стандартных магнитофонных кассеты. Теперь все зависело от меня.

События по порядку развивались так. У кого-то я нашел и одолжил маленький кассетник, вставил меньшагинскую кассету и попробовал ее включить. Вместо нормальной речи я услышал поток абсолютно нерасчленимых звуков. Я попробовал все три кассеты, и все три звучали одинаково: ничего нельзя было понять. Мученье мое продолжалось не меньше месяца, я готов был уже признать свое поражение. Надо было возвращать кассеты, просить извинения за беспокойство.

<...> Какая-то добрая душа посоветовала мне попробовать магнитофон со стереофоническим звучанием. Поиски довольно быстро увенчались успехом. Мой близкий приятель одолжил мне портативный магнитофон с двумя источниками звука. Начались новые эксперименты. Как-то раз я случайно сдвинул рычажок, отключив одну из звуковых колонок полностью. Каково же было мое изумление, когда из магнитофона полилась вполне членораздельная речь. Я нажал кнопку «стоп», передвинул

11. Грибанов эмигрировал в США в феврале-марте 1987 г. В октябре 1988 г. Суперфин был у него в Бостоне и возвратил Грибанову кассеты.

12. То есть в 1985 г. – П.П.

13. В.Н. Костин. – П.П.

14. Аберрация памяти: кассет было две – П.П.

рычажок в противоположном направлении и снова включил магнитофон. Я услышал снова членораздельную речь, но совершенно не связанную с тем, что я слышал прежде.

Я попробовал таким же способом слушать остальные кассеты. Все можно было разобрать. Секрет, как я понял, раскрывался просто. Тот, кто записывал воспоминания Меньшагина, либо из экономии, либо по каким-то иным соображениям, записывал сначала через одну колонку верхнюю часть пленки, а затем через другую колонку записывал звук на нижнюю часть той же самой пленки.

Во всяком случае, так я тогда понимал существо дела. Теперь можно было заняться собственно дешифровкой речи и переложением ее на бумагу. Кроме того, оставалось определить последовательность фрагментов, записанных таким необычным способом. Но эти задачи не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило прежде.

Материал же, записанный на пленках, оказался совершенно исключительным. Я внутренне все время изумлялся: Меньшагину было около семидесяти, когда он диктовал свой текст, но память его сохраняла не только основные события его жизни, а даже кучу всяких мелочей: даты, имена и отчества встреченных им людей, детали судебных дел тридцатых годов и многое, многое другое. Встречи, конфликты, судебные процессы, портреты сокамерников (люди из окружения Берии, которые сидели во Владимирской тюрьме и общались с Меньшагиным). На этом фоне собственно информация о Катыни была подана Меньшагиным очень коротко и очень сухо. В сущности, это было аккуратное изложение того, что он сам показал на следствии. Правда, следствие было совершенно безразлично к его сообщению.

Оставалась последняя задача – переправить через границу кассеты и машинописную копию. К счастью, нашлись люди, готовые на подобный риск, и последовательно (сначала кассеты, потом бумажная копия) все материалы без потерь попали к Габриэлю Суперфину и Наталье Горбаневской. Они проверили и скорректировали адекватность магнитофонной записи и дешифровки. У них была возможность использовать куда более совершенную аппаратуру.

<...> Суперфин подготовил глубокий комментарий ко всему тексту. Кроме того, к основному тексту были добавлены дополнения по истории Катыни и по той роли, которую катынская история сыграла в судьбе Бориса Георгиевича Меньшагина. Его приговорили к двадцати пяти годам тюремного заключения. Он отбыл их от звонка до звонка, первые шесть лет – на Лубянке, остальную часть срока – во Владимирской тюрьме.

В 1988 году книга, наконец, была опубликована.¹⁵

В памяти Г. Суперфина порядок получения материалов обратный: сначала пришла распечатка, потом кассеты, с помощью которых кое-что в тексте удалось уточнить.

У книги три титульных редактора-составителя: Александр Грибанов, Наталья Горбаневская и Габриэль Суперфин. Первый расшифровывал запись

15. А.Б. Грибанов, «История публикации воспоминаний Б.Г. Меньшагина» // Сайт «Катынские материалы: документы, исследования, свидетельства, полемика. В сети (с 1 апреля 2008 г.): <http://katynfiles.com/content/gribanov-menshagin.html>

и делал первичный список, вторая осуществляла новую сверку, а третий, Суперфин, составлял, редактировал и комментировал книгу в целом, снабжал ее многочисленными приложениями¹⁶.

Большая часть текста посвящена довоенной деятельности Меньшагина как адвоката (ему в этом качестве иногда удавалось почти невозможное – отмена или смягчение приговоров жертвам Большого террора!). Интересные страницы – о Владимирской тюрьме и своих краткосрочных сокамерниках-чекистах – Мамулове и Штейнберге (но – молчок о Судоплатове!). И в самом конце – буквально пара страниц о посещении немецких эксгумационных работ в Катыни 18 апреля 1943 года.

В настоящую публикацию включен фрагмент другого аудиointerview Б.Г. Меньшагина 1978 года, а именно та его часть, которая касается следствия в Смоленске и Москве, а также пребывания во Владимирской тюрьме. Отдельные фрагменты содержат сведения о предвоенной и военной частях, причем то, что говорится о предвоенном времени, полностью перекрывается книгой 1988 года. Таким образом настоящая публикация вводит в оборот все новое, что содержит в себе это интервью.

Особенностью именно этого интервью является обилие прямой речи и диалогов в ответах Меньшагина, а стало быть в тексте. Курсивом выделены вопросы интервьюера – Н.П. Лисовской. Персоналии комментируются единожды, при первом упоминании; персоналии, дополнительными сведениями о которых мы не располагаем, не комментируются.

Сердечно благодарю Н. Воронину, А. Даниэля, М. Дэвида-Фокса, В. Костина, Н.Г. Левитскую, Н. Лин, А. Макарова, И. Петрова, Н. Петрова, Г. Суперфина и В. Чернышеву за щедрую и разнообразную помощь в подготовке этой публикации.

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва*

pavel.polian@gmail.com

*

16. Справку о смерти Б.Г. Меньшагина Г. Суперфин получил от Ф. Перченка.

ИЗ АУДИОИНТЕРВЬЮ 1978 ГОДА

Допрос о Шламовиче

<...> до 1964 и по 8 ноября 1966 года¹. А остальные 18 лет до и потом четыре с половиной года я сидел в одиночках², так что двадцать два с половиной года я один просидел.

– *А когда же вы попали?*

– В 45-м году. И шесть лет на Лубянке просидел, потому что дело моё было приостановлено. Я сидел с 22 мая 1945 года, а на Лубянке – с 30 сентября 1945 года, и 8, 9, 10 сентября 46-го года мне объявили об окончании следствия по какому-то указу Президиума Верховного совета от 19 апреля 43-го года. Но так я этого указа и не видел. Когда я просил следователей, мне говорили: – Под рукой нет. Потом покажу. И так и не показали, несмотря на то, что следствие длилось шесть лет, шесть лет я там просидел. Во Владимире мне один из политвоспитателей подарил Уголовный кодекс 1950 года издания. Я стал смотреть. Там был целый ряд указов, принятых Сталиным: об ответственности за разглашение тайн, потом – в отношении краж, домашние кражи, кражи с хищением социалистической собственности – все указы были, а этого указа нет. Так до сих пор я и не знаю, что это за указ.

... Там, где я сейчас нахожусь³, сложно разговаривать, там народу много есть, иногда нуждаешься даже в тишине, но разговоры там обычно на такие темы: в какую стоимость в магазине есть сегодня вино? И есть ли эта... как там говорится... бормотуха. Эти вопросы интересуют жителей.

– *За что же вас осудили? За то, что вы в Смоленске при немцах были?*

– Да. Официально – да, за это.

– *А почему такие особые условия?*

– Конечно, тут... уже тогда я понимал, что не за это. Тем более, что следователи очень хорошо были осведомлены о моей деятельности. Ведь от двух до четырех тысяч военнопленных было освобождено под моё поручительство! Потом, следователь, Б.А. Беляев⁴, например, задает вопрос:

– Вы Шламовича⁵ помните?

1. Очевидно, обрыв пленки или текста. Из контекста понятно, что имеется в виду время нахождения Меньшагина не в одиночной камере, а в камерах с соседями (2,5 года).

2. Слово реконструировано по контексту. В оригинале: «в Подлипках».

3. Интернат для престарелых в пос. Княжая Губа в Мурманской области (см. подробнее в: *Меньшагин*, 2018).

4. Майор Б.А. Беляев, следователь УНКБ по Смоленской области.

5. Ср. фрагмент «Воспоминаний», не попавший в *Меньшагин*, 2017: «Той же зимой пришел ко мне тоже с просьбой о документе Александр Владимирович Шламович. Я его знал с лета 1940 года, как бухгалтера-ревизора Смолторга, по национальности еврея. Мы вместе прожили неделю в городе Кирове, тогда Смоленской, а теперь Калужской области, во время проходившего там процесса работников местного торго. Он рассказал,

– Александра Владимировича?

– Да.

– Помню.

– Вы знали, что он еврей?

– Знал.

А почему вы дали ему документ, что он русский?

– Если бы я написал, что он еврей, то его бы... Уже в это время было известно, что немцы убивают евреев. Его бы убили.

– Ну, так какое вы ему задание дали?

Я говорю: – Я его больше никогда не видел в глаза после того, как он получил документ от меня.

– Так вы же рисковали?

– Конечно, риск известный был, не без этого.

– Ну, так для чего же вы это делали?

– Разве спасти жизнь человеку – это не хорошее дело, не доставляет удовольствия человеку?

Он так, плечом пожимает, удивляется.

– Борис Георгиевич, а почему вы ему выдавали справку?

– Он попал в окружение...

– Нет, а какое отношение вы имели к справкам?

– А я начальник города был. Так что все документы я выдавал... Или вот Рейтузов.

– Вы защищали Рейтузова?

– Да, защищал.

– А вы знали, что он партийный?

– Знал.

– А в паспорте вы ему не поместили?

Я говорю: – Я никому не помечал. Немцы запрашивали меня. Я ответил: «Так как я в партии не состоял, мне неизвестно. Знаю, что все высшие ушли,

что был в армии, попал в окружение, проселками пробрался в Смоленск, и просил меня дать ему документ, указав в нем в графе «национальность» – русский. Я сходил в паспортный отдел, порылся в архиве учетных карточек довоенного адресного бюро, вытащил из него несколько, в том числе и карточку Шламовича; потом я эту карточку незаметно положил в карман, а остальные отдал заведующей адресным бюро Грибоедовой. После этого я выдал Шламовичу документ, как русскому, а старую карточку уничтожил. Шламовича я больше никогда не видел, но слышал, что он работал у немцев на железной дороге. Во время следствия по моему делу осенью 1945 года, упоминавшийся уже майор Б.А. Беляев спрашивал меня, помнил ли я Шламовича и знал ли я, что он еврей. На мой утвердительный ответ, он спросил, почему же я дал ему удостоверение, что он русский, какие задания я ему давал. Я объяснил, что причина понятна – избежать немецких преследований, заданий же никаких не давал и самого Шламовича больше не видел. Беляев пожимал плечами, удивляясь, что я, рискуя собой при обнаружении подделки, и без всяких выгод для себя, я дал Шламовичу этот документ. Он так, видимо, и не мог понять того, что добро людям можно делать, не преследуя при этом каких-либо личных выгод, что оно само по себе приносит награду делающему в виде большого нравственного удовлетворения».

а рядовых партийцев я не знал. Поэтому никого из известных мне здесь я не встречал».

Да. Вот так вот удивляется. Удивляется следовательно.

Ну, вообще-то надо сказать, уже то хорошо, что меня не били никогда⁶. Это первое. И второе – такие, ну, эксцессы, что ли, только два раза были. Первый раз, это когда меня привезли в Смоленск 9 августа 45-го года, и в ночь на 13 августа вызвали на допрос.

Помещён я был во внутренней тюрьме областного управления государственной безопасности. Это раньше было НКВД. На этой улице один только этот дом и остался. Потому что когда Смоленск горел 29 июня 41-го года, то все пожарные команды были брошены на этот дом, и его всё время обливали. Он один только и остался. С одной стороны, с другой стороны, сзади – всё сгорело, а этот дом остался. На улице Дзержинского в Смоленске. Во внутренней тюрьме, значит, я там сидел у них. Меня привели, следовательно отрекомендовался: майор Беляев. Я знал эту фамилию по делам, по которым я выступал защитником, но самого лично я его не видел никогда. Он меня повёл этажом выше к начальнику областного управления государственной безопасности Смоленской области полковнику Волошенко⁷. Вошли. Большая комната такая. Он встаёт из-за стола, выходит.

– А! Здравствуйте, здравствуйте, господин мэр!

А потом подошёл на такое расстояние, как я от вас, вдруг вздрогнул:

– У вас руки в крови!

Знаете, так естественно у него получилось, что я посмотрел на руки. Но потом сообразил, что это аллегория, и говорю:

– Нет, я крови не проливал. Руки у меня чистые.

Он тогда застучал кулаком об стол:

– Если не будете сознаваться, мы на вашей шкуре выпьемся! Вот это имейте в виду!

Вот такой разговор был – краткий, но выразительный! Это было в ночь на 13 августа 45-го года.

Ну а потом, значит, ночью я имел дело с Беляевым, а днём с разными следователями, которые меня допрашивали в качестве свидетеля о разных людях, находившихся там.

6. Битье и другие методы физического воздействия вернулись на Лубянку в декабре 1952 г., когда Меньшагина там уж не было (см. Протокол допроса бывшего начальника Внутренней тюрьмы МГБ СССР А.Н. Миронова от 23 декабря 1955 г. В сети: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/55575>)

7. Волошенко Константин Сидорович (или Исидорович; 1905-1988). С 22.11.1944 по 27.11.1950 начальник УНКГБ–УМГБ Смоленской области.

Допросы о церковниках

И вот, в частности, несколько раз вызывал меня в качестве свидетеля капитан Евграфов, такой был там следователь. Он занимался церковными делами. Он вызывал меня, спрашивал, как открылся собор, ведь он был закрыт. Ну, я сказал, что это была моя инициатива. В сущности, я организовал это открытие собора, получил согласие немцев, и собор был открыт в день праздника Смоленской Божьей Матери, которая находится в этом соборе и сейчас, 10 августа 41-го года⁸. Потом он меня расспрашивал, имели ли священники дела с немцами. Я говорю:

– По-моему, нет. Я не замечал. Они имели дела со мной, а у меня было от комендатуры распоряжение, чтобы я имел надзор за ними с тем, чтобы там никакой антинемецкой деятельности не проводилось.

– Кого поминали?

Я говорил, что поминали Вселенского патриарха и местоблюстителя митрополита Сергия, Московского и Коломенского. Это по моему распоряжению делалось. Это всё вроде не представляло для них такого плохого. И вот однажды, помню, он опять меня спрашивает об архимандрите. Он думал, что он был в Смоленске, а оказывается, он, архимандрит этот, в Смоленске не работал. Там два Серафима было. Один Серафим был в Смоленске⁹, а другой Серафим был в Монастырщине¹⁰. Вот речь шла об этом Серафиме, монастырщинском, который ко мне отношения не имел. А этот Серафим, смоленский, он сам с Западной Украины. Его посадили, он сидел, и немцами был освобождён. Он сидел в Московской области, там в каком-то лагере, был в Верее, а когда отступать стали немцы, он приехал в Смоленск. И вот некоторое время он был у нас, служил в смоленском соборе вместе с местными священниками. А потом он стал просить, и я выхлопотал ему пропуск, и он уехал в Галицию, во Львов, на родину. Это я всё следователю рассказывал, он записывал. Вдруг входят три человека.

– Да! Пошли, Евграфов! Давай скорей!

Тот: – Подождите, сейчас. Вот с Борисом Георгиевичем кончу.

– С каким Борисом Георгиевичем? – один из них.

– Да вот, с Меньшагиным.

8. В Успенском соборе до оккупации находился Музей атеизма, так что для организации богослужений потребовался вынос его экспонатов. Первая служба в соборе состоялась 3 августа 1941 г. и была лютеранской, для немецкой армии: ее совершил молодой пастор, прибывший вместе с войсками. Первая православная служба состоялась 10 августа, в день празднования Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии. Протоиереи Тимофей Глебов и Павел Смирягин освятили собора и отслужили литургию. К 15 августа при соборе был организован церковный хор из профессиональных певцов под управлением Михаила Ивановича Андреева (История Псковской Православной Миссии 1941-1944 гг. М.: Изд. Крутицкого подворья, 2008).

9. Архимандрит Серафим (Клинов). О церковной ситуации в Смоленске см. в *(Меньшагин, 2017)*.

10. Поселок-райцентр Монастырщицкого района Смоленской области.

– Меньшагин? Да что с ним кончать? Я сейчас кончу!

И кобуру расстёгивает. Ну, тут остальные двое его схватили. Евграфов выбежал из-за стола, вытолкали его. Не знаю, то ли он это просто в шутку, попугать хотел, то ли на самом деле, но только Евграфов закрыл дверь на ключ и говорит:

– Вы извините. Тут у нас собрание было, а потом ребята подвыпили.

Я и говорю: – А кто это?

– Это начальник Сычёвского районного отдела государственной безопасности Гусаров.

Вот. Это второй случай был.

Встреча с Поповым

А 29 ноября, в ночь на 30 ноября ещё меня вызвали в 11 часов ночи, это Беляев уже, и что-то он всё торопился. Обычно каждую ночь вызывали, но часов до трёх, и в три часа уже – спать. А тут и три, и четыре, и пять часов... Сперва, вначале ещё, как привели, он со мной пошёл наверх, опять в кабинет этого начальника областного управления полковника Волошенко. За столом сидит какой-то в штатском, очень полный мужчина, а Волошенко сбоку. Оказывается – первый секретарь Смоленского обкома ВКП(б) Попов¹¹. Пожелал увидеть. Он меня спросил, почему я остался, что, у меня была цель какая? Я сказал:

– Нет, это только потому, что сводки были неправильные. 15 июля утром ещё была сводка о том, что бои идут в Борисово-Бобруйском направлении. Я знаю, что Борисов – это за 400 км от Смоленска. В этот день я увидел, что все из города уходят. В частности, штаб маршала Тимошенко¹² стоял там, в бывшей духовной семинарии, где штаб военного округа был – пустой дом и сняты караулы. Ну, мне стало ясно, что уже уходят. Я провожал ещё до этого днём двух наших адвокатш – Гайдамак и Гольцову. Они зашли в консультацию с вещами. Я помог им вещи нести на вокзал и, в частности, сказал, что уже ясно, что отступают, потому что я увидел, что повозки с ранеными едут по улице. Если за 400 км, то раненые на повозках не попадут сюда. И сказал им, что Гайдамак обязательно надо идти, потому что она – еврейка. Ну, ещё Гольцовой – ничего, а ей... Они обе остались на вокзале, а я ушёл к себе на ту квартиру, где я имел местопребывание после того, как наша квартира сгорела 29 июня при бомбардировке Смоленска¹³. Ну вот, я ему и говорю, что если

11. Попов Дмитрий Михайлович (1900-1952), с 1940 по 1948 гг. первый секретарь Смоленского обкома ВКП(б), а в годы войны – один из руководителей партизанского движения на Смоленщине.

12. Тимошенко Семен Константинович (1895-1970), маршал СССР, до 19 июля 1941 г. – нарком обороны СССР, со 2 июля командующий Западным фронтом, ведшим в июле-сентябре 1941 г. упорные, но малоудачные оборонительные бои, в т.ч. под Смоленском.

13. В семье адвоката А.Ф. Пожарисского (см.: Меньшагин, 2017. С.35-37).

бы я знал, то, конечно, мы бы уехали. Но так как сводки были неверными, то вводили в заблуждение.

– Вы что, министром хотели быть?

Я говорю: – Нет, я министром быть не хотел.

Вот такие вопросы он задал мне. На этом беседа с ним кончилась.

Из Смоленска в Москву

А Беляев до шести часов почти меня додержал. Вернулся я в камеру и лёг. Вдруг сейчас же открывается камера – начальник тюрьмы, капитан Михалёв. И говорит:

– Вот вам полушубок, вот вам валенки. Вы сейчас поедете. Да, и потом вам сейчас продукты принесут.

Принесли хлеба и селёдок.

– Сейчас поедете.

И действительно, минут через 15:

– С вещами!

Но – ни обыска не было, ничего. Вышел я во двор. Около подъезда стоит легковая машина. В легковую машину садятся два офицера. Один из них – следователь Васильченко, он меня допрашивал один раз, а второго видел там, но не знаю, кто он. Сели. Один с шофёром сел, другой – со мной, и мы поехали.

Говорю: – Куда это мы едем?

– В Москву.

И вот мы ехали. По дороге сделали остановку, чтобы перекусить. Я хотел есть свою селёдку, а они говорят:

– Это вам там пригодится.

Отрезали мне сала и дали своего хлеба. Значит, я ел. И доехали до Москвы – на Лубянку.

На Лубянке. Допрос о ликвидации гетто

Вечером приехали на Лубянку, и вот – с 30 ноября 45-го года я там пробыл до 30 сентября 51-го года.

Первый раз меня вызвали 21 декабря 45-го года, подполковник Меретуков¹⁴. Потом он ещё несколько раз меня вызывал. 25 января 46-го года ночью вызвали меня к генералу. Там же сидел Меретуков сбоку, а центральное место занимал начальник следственного управления министерства государственной

14. Меретуков Ахмед Долотукович (1910-1977). В органах с 1930 г. С 15.6.1946 по 22.4.1947 – начальник отделения «2-Н» 2-го главного управления МГБ. (Н.В. Петров, Кто руководил органами безопасности: 1941-1954. М.: Звенья, 2010).

безопасности. По словам Мамулова, это был генерал Федотов, но я не знаю, он своей фамилии не называл¹⁵. Он спрашивал меня:

– Мы знаем, что, когда убивали евреев, вас не было при этом убийстве.

Почему? Знали вы заранее?

Я говорю: – Нет.

– Там был ваш заместитель Гандзюк¹⁶. Это с вашего ведома?

Я говорю: – Нет. Я узнал об убийстве уже после.

– Борис Георгиевич, а их что, расстреляли?

– Нет, не расстреляли. Их поместили в душегубку и повезли из Садков¹⁷ в Смоленске в Геденоовку¹⁸, пустили газ, и они от газа умерли. Я узнал об этом 16 июля 42-го года. Приехал на работу, как всегда. Ко мне вошёл Гандзюк. Я удивился, потому что он обычно позже являлся. Я к восьми часам всегда приходил, а он позже. Вошёл и говорит:

– Борис Георгиевич, сегодня ликвидировано гетто. Какое будет указание?

Имущество передаётся нам. Вы сами поедете, или мне туда отправиться?

Я говорю: – Как ликвидировано?

– Ну... умерщвлены.

Я говорю: – Все?

– Да, все.

– А Паенсон¹⁹?

Паенсон был местный зубной врач, староста их.

– И Паенсон.

– А детей куда дели?

– И детей всех ликвидировали.

– Нет, – говорю, – я не поеду.

– Ну, разрешите мне.

– Ну, поезжайте.

Вот такой был разговор.

15. Личность генерала Меньшагину во Владимирской тюрьме раскрыл Мамулов: Федотов Петр Васильевич (1901-1963), генерал-лейтенант, начальник 2-го управления НКВД (затем НКГБ, МГБ), а с января 1946 г. — еще и член Комиссии по подготовке Международного военного трибунала над японскими военными преступниками в Токио (видимо, он занимался и Нюрнбергом).

16. Гандзюк Григорий Яковлевич (1910-?), активист Народно-Трудового Союза (НТС), первый заместитель бургомистра Смоленска, впоследствии бургомистр Орши и Борисова.

17. Район Смоленска на северо-востоке города, в Заднепровье, в котором до войны находилось еврейское кладбище. Здесь же в августе 1941 г. разместилось и еврейское гетто. К выбору и перестроению этого района под гетто и его снабжению Меньшагин имел прямое касательство.

18. Деревня по Московскому шоссе, сразу же за городской чертой. Здесь располагалась областная психиатрическая больница. В январе 1942 года ее «освободили» от больных, а в освободившиеся помещения перевели госпиталь вермахта из освобожденного Красной Армией Можайска.

19. Председатель иуденрата Смоленского гетто, зубной врач.

Я потом пошёл ко второму заместителю, профессору астрономии смоленского пединститута Базилевскому²⁰. Он был сперва назначен начальником. А потом, неожиданно для меня, он отказался и предложил мою кандидатуру. Я тоже стал отказываться, но немцы сказали: мы сами решим. Дайте ваши паспорта (мой и Базилевского) и приходите к нам завтра утром. Это было 29 июля 41-го года. На следующий день мы пришли, и нам объявили, что начальником назначен юрист, а астроном – заместителем. Вот так мы и работали до конца – я и он. А Гандзюк прибыл позднее, он из Праги прибыл. Он там был в составе НТС – Народно-трудовой союз, тогда они ещё добавляли НП – нового поколения. Их целая группа приехала. И вот немцы назначили его ко мне заместителем, этого Гандзюка.

– Борис Георгиевич, вы стали рассказывать, как вы пошли ко второму своему заместителю, к астроному.

– Астроном, он... ну, это уже потом. Здесь собака была зарыта, почему, собственно, со мной возились...²¹

Последний раз меня вызывали в феврале 47-го года.

Хлеб и книги

Потом прошёл 47-й, проходит 48-й, 49-й. И помню, 28 июля 49-го года произошёл такой инцидент. 27 июля, накануне, был обмен книг. Эта процедура происходила так: открывалась дверь, в камеру вбегал лейтенант, заведующий библиотекой, бросал на стол несколько книжек, обычно пять или четыре, схватывал те книги, которые на столе лежат, выскакивал пулей из комнаты. Ну, тут... от долгого молчания... ведь один... не успеешь прийти в себя. Значит, невозможно ничего сказать ему было. Стал я смотреть книги. Те книги, которые две недели назад я ему отдал, в таком же порядке, как у меня они лежали, он мне принёс опять. Значит, на две недели. А ведь там подъем в шесть часов. Отбой в десять. Прогулка – 20 минут – на крыше. Причём часто прогулку ночью делали за счёт сна. Целый день – с шести до десяти. Утром завтрак – кипяток. Хлеб и кипяток. А потом обед и ужин. А что целый день делать? Когда 28 июля мне принесли хлеб, я говорю: – Я не беру.

Раздатчик посмотрел, повернулся и ушёл. Минуты через две открывается дверь, старший по корпусу:

– Почему вы не взяли хлеб?

Я говорю: – Потому что у меня вот с книгами так получилось.

20. Базилевский Борис Васильевич (1885-1955) – профессор астрономии в смоленских вузах, бургомистр и вице-бургомистр Смоленска при немецкой оккупации, лжесвидетель о Катынской трагедии на Нюрнбергском трибунале.

21. Имеется в виду то, что своим уникальным по степени изоляции тюремным режимом Меньшагин «обязан» именно лжесвидетельствам Б.В. Базилевского, сделанных им – ради спасения своей жизни – в Смоленске в 1944 и в Нюрнберге в 1946 гг. и строившихся на лживых ссылках на Меньшагина,

– Так какое отношение это – книги и хлеб? Одно с другим не связано.

Я говорю: – Для меня связано. Книги для меня не менее важны, чем хлеб. Даже, пожалуй, я без хлеба один день обойдусь, а вот без книг две недели мне никак не обойтись. Что мне, лбом стучать о стенку здесь?

– Так это же можно всегда другим путём урегулировать.

Я говорю: – Я не знаю, каким путём.

– Ну, к начальнику тюрьмы обратитесь. Я вас запишу.

Я говорю: – А когда это будет?

– Сегодня он вас вызовет.

– Обязательно?

– Да, да, сегодня вызовет. А хлеб вы возьмите.

Ну, я говорю: – Хорошо.

– Сейчас вам принесут хлеб.

Принесли хлеб. Я взял.

И действительно, днём, часу в первом дня открывается дверь – к начальнику тюрьмы. Как всегда там, на Лубянке один схватывает за левую руку, другой – за правую руку, а третий – сзади. Потащили по коридорам, там переходы разные – к начальнику тюрьмы. Я его видел, он как-то был, но я не знал, что это начальник тюрьмы.

– Полковник Миронов²².

Пожилый человек, полный такой, спокойный сидит:

– Проходите, садитесь.

Я прошёл, сел.

– Что это вы, говорят, хлеб не хотели брать сегодня?

Я говорю: – Вот, с книгами у меня...

– Ну, разве можно. Ведь вы же немолодой человек. Ведь если вы не будете есть, вы же своему здоровью повредите. Я надеюсь, что... Что там с книгами?

Я говорю: – Вот. Те книги, которые я отдал, он мне опять принёс. Когда он бросил книги, я не успел ничего посмотреть.

– Ну, это всегда можно урегулировать. Вам обменяют книги. Нельзя так делать. Ещё какие вопросы у вас ко мне?

Я говорю: – Вот вопрос какой. У меня 16 июля был сердечный приступ. Было очень плохо. Я позвонил, просил сестру. Ко мне пришёл подполковник медицинской службы, начальник санитарной части. Он меня посмотрел и велел лечь. А там категорически запрещалось ложиться. Это уже доказывает, что, действительно, у меня были налицо ненормальные явления какие-то. И сказал – это была суббота – чтобы в понедельник, 18 июля я явился к нему на приём, чтобы я записался у старшего. Ну, я 18 июля записался, и свели меня туда: опять один, конечно, слева, другой справа, третий сзади. Он послушал меня, прописал лекарства, помню, он шиповник мне прописал пить, ещё какие-то капли. Я стал просить его больничное питание, потому что, сказал

22. Миронов Александр Николаевич (1896-?), полковник госбезопасности, начальник Внутренней тюрьмы МГБ СССР в 1937-1953 гг.

я, я с 45-го года, я истощён совсем, ни передач, ничего нет, денег у меня нет, никто не знает, где я...

– Больничное питание полагается только больным язвой, а у вас язвы нет. Поэтому вам больничное питание не положено.

Ну, ладно, увели. Мне принесла сестра шиповник пить. Вот я и хотел бы это больничное питание получить.

– Так. Хорошо. Ещё что?

– Потом, вот у нас сейчас 28 июля 49-го года. Последний раз меня вызывали на допрос в феврале 47-го года, то есть два с половиной года тому назад. Почему я нахожусь здесь? В каком положении моё дело?

– На это я вам ничего сказать не могу. Я не знаю. Это зависит от следователя. Но я спрошу следователя. Скажу ему, что вы интересовались. А так, если какие-нибудь у вас будут недоразумения, то вы всегда запишитесь, мы разберём. А так нельзя, чтобы не есть. Это же вы себе вред делаете.

Я встал. Поташили обратно в камеру. Но я был доволен, потому что говорил он нормально, как люди разговаривают. Только я сел на стул, открывается дверь, влетает лейтенант, как пуля:

– Вот эти книги подойдут вам?

Я взял, посмотрел: – Подойдут.

Тогда он схватил те и убежал. И уж дальше, когда приходил, всегда ждал, когда я посмотрю.

Вечером стал я ложиться спать, в десять часов отбой дают там: свет выключают и включают раза два, это означает, что отбой. Стал ложиться спать, открывается дверь: – К врачу!

Поташили в медицинскую часть. Женщина-врач: – На что вы жалуетесь?

Ну, я сказал, что у меня 16 июля был приступ сердечный, начальник санитарной части велел мне лечь, прописал лекарства, но мне нужно больничное питание, потому что я совсем истощал.

– Так. Дайте, я вас послушаю.

Ну, что ж. Она меня послушала, давление измерила: – Собирайтесь, идите.

Я ушёл. Утром, когда приносят хлеб, смотрю, у меня половина чёрного, половина белого. Это признак того, что дали больничное питание. Значит, два моих желания уже исполнено. Я считал, что хорошо сделал, что добился этого.

Допрос у Гребельского

И прошёл почти месяц. Я спал уже ночью, 24 августа 49-го года, вдруг дверь открывается: – На допрос!

Я оделся. Поташили. Следователь – это был третий у меня – подполковник Гребельский²³: – Проходите. Садитесь. Что это вы хлеба не берете?

23. Гребельский Дмитрий Владимирович (1914 – 1986), впоследствии зав. кафедрой организации оперативно-розыскной деятельности Академии МВД СССР. Меньшагин, по-видимому, не разобрав звучание его фамилии, упорно называет его Рыбельским.

Я говорю: – Да вот, с книгами у меня получилось дело такое.

– Так это же всегда можно урегулировать, сказать, что вот, мне надо книги.

– Не особенно-то скажешь, да мало слушают.

– Сколько же вам лет? Ведь вы немолодой человек, вы себе здоровье расстроите.

Я говорю: – Я уже расстроил. У меня вот сердечный приступ 16 июля был.

– Ну, конечно, будет.

– Так это ещё до этого случая было.

– Нельзя так... надо... Ведь вам больничное питание сейчас дали?

– Дали.

– Вот видите. Всегда мы пойдём навстречу. Если кто никаких нарушений здесь не делает, мы всегда на уступки пойдём тому человеку. Так что вы хотели?

Я говорю: – Меня интересует вопрос, почему я последний раз у вас был в ноябре 47-го, а сейчас у нас 24 августа 49-го.

– Видите ли, мы ваше дело приостановили.

– А почему, ведь 132-я статья Уголовно-процессуального кодекса говорит: дело приостанавливается в двух случаях – если неизвестно местонахождение обвиняемого, – а я перед вами здесь сижу, второй случай – если есть основания предполагать, что обвиняемый болен психической болезнью. Тогда дело приостанавливается для производства психиатрической экспертизы. Но ведь, вроде, я не подавал?..

– Нет, у вас очень хорошая голова.

– Тогда почему же?

– Ну, признали целесообразным.

Признали целесообразным. Я говорю: – И долго так будет?

– Я сам не знаю. Сам не знаю. У вас ведь там особенного ничего нет. Не исключена возможность, что мы вас отпустим. Ну, а если нет, тогда будет много. Тут два варианта: либо совсем отпустим, либо будет много... А, может быть, вы газету хотите?

Я говорю: – Конечно, я ведь с 45-го года не видел газет, не знаю даже, что в мире делается.

– Вот, я тут своим делом займусь, а вы почитайте, – и подаёт мне «Вечернюю Москву».

Ну, я взял «Вечернюю Москву», стал читать. Тут звонит телефон. Он поднимает трубку. Он такой, знаете, солидный, полный, лет 45-ти, под 50 так. Берёт трубку, такой голос у него:

– Подполковник Рыбельский слушает.

И вдруг он подсказывает на месте:

– Здравия желаю, товарищ генерал, так точно, товарищ генерал!

Уже вид у него совершенно другой. Такое лицо глупое сделалось. Он подпрыгнул на месте...

Я посмотрел, и сразу мне вспомнился рассказ Чехова «Толстый и тонкий». Когда два приятеля встретились, и один узнал, что другой – тайный советник,

а он ещё только титулярный, такое у них отношение появилось друг к другу. Я посмотрел и думаю: да, далеко поехала советская власть. В сторону, которая не была предусмотрена, когда она начиналась.

Ну, дочитал я газету, потом его спросил, а он мне сказал, что у нас стала социалистическая система, что режимы народной демократии во главе с коммунистическими партиями в Польше, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Албании. Вот эти государства он назвал. Потом позвонил. Конвоиры вошли. Меня потащили обратно. Вот так, ни особенной радости, ни горя я не испытывал от этого разговора.

Встреча с заместителем начальника тюрьмы

И сидел я, значит, весь остаток 49-го, весь 50-й, а в 51-м году, день именин моих²⁴ был, думаю: дай я попробую сделать себе подарок. И говорю утром, когда старший пришёл:

– Запишите меня к начальнику тюрьмы.

Ходил к этому полковнику Миронову. Ещё набралось у меня несколько просьб. Он записал. В конце дня, вскоре после десяти часов, открывается дверь: – К начальнику тюрьмы!

Повели меня, но, смотря, не в ту сторону. Оказалось, не к начальнику Миронову, а к его заместителю, подполковнику, не знаю фамилии его. Вошёл я в комнату. Сидит подполковник этот. Один раз я его видел, он ходил с обходом. Я вошёл в комнату, он там в глубине сидит:

– Что вам надо?

Я говорю: – Я совершенно обносился. Одежда, которая на мне, превратилась в лохмотья. Мне даже стыдно постовых, когда я выхожу на прогулку.

– Ещё что?

– Я очень истощал. Мне начальник тюрьмы, полковник, давал, по его указанию давали мне больничное питание в августе 1949 года. Месяц я получал. Но уже почти два года прошло с того времени. Я чувствую себя очень плохо.

– Ещё что?

– Потом я хотел почитать сочинения Ленина. Я обращался по этому поводу к заведующему библиотекой. Но он сказал, что сочинений Ленина нет. Не могу поверить, чтобы в Советском Союзе имела бы библиотека, в которой не было бы сочинений Ленина.

– Ещё что?

– Больше ничего.

– Идите.

На этом аудиенция окончилась. Меня потащили обратно в камеру. Сел и думаю: на этот раз получилась осечка. Вместо удовольствия и именинного

подарка получился плохой такой разговор, и только настроение испортил себе.

В это время открывается дверь, вбегает лейтенант библиотечный:

– Первый и второй том сочинений Ленина! Прочитаете, дам следующие.

Ну, думаю, – с паршивой овцы хоть шерсти клок. Минут пять прошло, – вошёл какой-то старшина с костюмом. Костюм такой шевиотовый, нормальный.

– Померьте, пожалуйста, подойдёт он вам или нет.

Я померил, говорю: – Подходит.

– Оставьте себе.

Видно, с какого-нибудь расстрелянного остался.

Вторая встреча с Мироновым: объявление приговора

После этого разговора меня больше не вызывали до 29 сентября 1951 года, когда вызвали к начальнику тюрьмы, опять к этому полковнику Миронову.

Опять: – Проходите, садитесь.

Я прошёл, сел. Он сидит, и какой-то молодой человек сидит, лет так, может, около 30, в штатской одежде. Ну, Миронов спрашивает, как я себя чувствую, больше никаких не было, значит, ненормальностей? Я говорю, что нет.

– Как у вас с книгами?

– С книгами сейчас всё хорошо.

А штатский мне даёт бумагу: – Прочтите и распишитесь.

Я посмотрел: выписка из постановления Особого совещания при Министерстве государственной безопасности СССР от 12 сентября 1951 года. Слушали: дело Меньшагина Бориса Георгиевича, по указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года. Постановили: заключить в тюрьму сроком на 25 лет. Срок считать с 7 июня 1945 года. Ну, меня-то арестовали 28 мая, но я уже не стал ничего говорить, потому что при 25 годах говорить о десяти днях – это просто смешно было бы.

– Так. Понятно вам?

– Понятно, что ж.

– Распишитесь.

Я расписался: «Читал».

Миронов говорит:

– Вам придется уехать отсюда, видимо, завтра. Как у вас с вещами?

Я говорю: – Костюм мне дали, а из верхней одежды у меня ничего нет.

Сейчас же он вызвал подполковника, у которого я был, сказал:

– Надо ему дать пальто, шляпу, бельё, всё, в общем, снабдите.

Тот ушёл, меня обратно в камеру, и принесли пальто демисезонное с бархатным воротником, серую шляпу, голубую рубашку верхнюю и пару трикотажного белья.

Из Москвы во Владимир

30 сентября после обеда, я ещё не успел пообедать: – Собирайтесь с вещами! – Вывели. Обыск был уже генеральный. Потом – в воронок, и привезли на Рогожскую. Я, когда вышел, увидел Рогожское кладбище²⁵.

На путях стоял вагон, пассажирский, но с решётками, так называемый столыпинский вагон. Меня сопровождали два офицера с Лубянки. Завели в самое последнее купе, закрыли. Один офицер сел на скамеечку возле этого купе, второй куда-то пошёл. Потом слышу топот ног, и многочисленные пассажиры входят. Их по всем купе стали загонять и, наконец, кто-то перекличку делает.

– Иванов! – Я! – Срок! – 25! – Петров! – Я! – Срок! – 25! – И всё слышу: 25, 25. – Ну, думаю, значит, мода сейчас такая, с 25-ю годами. Мы поехали. Я взял и лёг на скамейку в купе. Ничего. Эти офицеры потом сменились, другой сел. Ничего, ничего.

– *А офицер в купе ехал?*

– Нет, за дверью. Потом вдруг постучал мне: – Вставайте, собирайтесь с вещами, подъезжаем.

Уже вечер. Остановился поезд, открыли это купе, пошли по коридору, смотрю: как селёдок в бочке, все эти купе набиты народом! А я один ехал. И конвой у меня отдельный, офицерский, а там были солдаты. Вышли.

Станция освещённая, народ садится в поезд. Пассажирский был поезд, один только арестантский вагон. Прошли по перрону, воронок стоит. Проехали недолго, остановились, вылез я. Зашли в какое-то помещение. Вышел старший лейтенант, посмотрел на меня:

– Как ваша фамилия?

Я называю ему.

– Почему же вы называете фамилию?

Я говорю: – Вы же спросили.

– Вы же лишены фамилии.

– Как?

– Разве вам не сказали об этом?

Я говорю: – Первый раз слышу.

– Так вот, имейте в виду: вы никому фамилию свою называть не имеете права. Если вас будут спрашивать, отвечайте: № 29.

– *Борис Георгиевич, а об этом в решении, которое вам предъявили на Лубянке, ничего сказано не было?*

– Нет. Ничего.

– *А как это юридически оформлено было?*

– Не знаю как.

– *А почему с вами так по-особому обращались?*

25. Старообрядческое кладбище, расположенное вблизи станции Курская-Товарная, где формировался арестантский вагон.

– Я так подозревал, что следователи ко мне относились более или менее, потому что там один работник ихний был, из НКВД смоленского. Я ему отметил документы без всяких придирок, что он из НКВД, никому не сообщал, так он и пережил. Потом вот он спрашивал про этого коммуниста – то же самое. Они знали, что немцы освобождали пленных под моё поручительство. Я ему говорю:

– Запишите это, пожалуйста, в протокол допроса.

– Это вам никакой пользы не принесёт. Вы освобождали врагов народа, вы изменников родины освобождали. Вы хлопотали у немцев за изменников родины и брали их себе на поруки. Это никакой пользы вам не принесёт, – следователь говорил. И про этого Шламовича то же самое.

Я говорю: – Запишите в протокол, что он спасся, остался жив.

– Он изменник родины, поэтому это никакого значения не имеет.

Но всё-таки они обходились... так... без применения каких-нибудь... мер. Вот, помню, Беляев всё приставал ко мне, был ли я членом НТС.

Я говорю: – Не был. Он опять.

Я говорю: – Слушайте, если вы уж хотите очень, запишите, что был. В конце концов, не сделает это погоды.

– Нет, нам надо точно знать, действительно были вы или нет.

Я говорю: – Если действительно, я вам говорю – не был. А если вы хотите, чтобы был – ну, запишите, что был.

– Нет, нам надо знать действительно. – И он так и записал. Спрашивал меня и генерал [Федотов] про это: – Были ли вы в НТС?

Я говорю: – Нет, не был. – Это уже после, в Москве. – Не был.

– А почему?

– Мне, говорю, никто не предлагал, а сам я никакой инициативы в этом не проявлял.

– А почему вам не предлагали?

– Ну, – я говорю – я же не могу на этот вопрос ответить. Если так, моё мнение, то я думаю потому, что НТС там возглавлял мой заместитель Гандзюк. Он знал меня как начальника по работе и знал, что если я там буду, то вряд ли я войду в подчинение к нему, и поэтому он не хотел. Но это лично моё мнение, а так я не знаю, почему мне не предлагали.

Допрос о блокноте Меншагина и Катини

И третий вопрос, который и в Смоленске интересовал Беляева, и здесь генерала даже: откуда у меня взялся блокнот с грифом «Начальник Смоленского областного управления государственной безопасности»?

Я говорю, что в первые дни моей работы – это значит в первых числах августа 1941 года – я был, как обычно, утром у начальника 7-го отдела смоленской комендатуры, которая ведала гражданским управлением. И тут приехало несколько человек с черепами на погонах. Как потом я выяснил,

это СД, отделение при гестапо²⁶. Они сказали мне, чтобы я на другой день к ним пришёл.

– Вы знаете, где НКВД смоленское было?²⁷

Я говорю: – Конечно, знаю.

Так вот, в этом доме теперь мы. Приходите туда.

Я пришёл туда. Там было четверо: начальник в чине полковника, Зикс, потом майорский чин у Клингенгоффера, он хорошо по-русски говорил, так как, якобы, он уроженец Москвы, уехал после революции. Потом Аугсбург²⁸ и Носк. Они стали мне говорить о том, что евреи должны быть сселены в одно место. Должен быть организован посёлок, гетто, где они должны жить, а по городу, где хотят, они не имеют права жить, что я должен выбрать место для поселения и переселить их туда. Я пытался говорить, что полгорода сгорело, что я затрудняюсь.

– Надо выбрать. Можете привлечь кого-нибудь из своих сотрудников, которые лучше вас знают город.

Я говорю: – Да я знаю хорошо.

– Это надо сделать в обязательном порядке. Вот вы запишите правила.

Я говорю: – Мне не на чем писать.

Тогда этот Клингенгоффер подошёл к стенке кабинета, где разговор происходил, открыл шкаф, в стенке вделанный, вытащил блокнот чистый «Начальник областного смоленского управления государственной безопасности», и я там записывал всё, что мне говорили.

Но, якобы, я и сейчас не знаю сам, не видел, но мне Гандзюк прислал письмо, это когда я был в Чехословакии, в Карлсбаде, а он был в Праге, он мне прислал письмо и написал, что в Советском Союзе опубликовали акт комиссии, в которой участвовал академик медицины Бурденко и митрополит Крутицкий Николай и другие лица, в котором упоминается какой-то блокнот, где, якобы, я записывал об убийстве польских офицеров в Катыни²⁹. О блок-

26. SD (Sicherheitsdienst des Reichsführers SS (Служба безопасности СС), одно из ключевых подразделений Управления имперской безопасности (RSHA) и СС.

27. Здание на ул. Дзержинского, 2, построенное в 1939 г.

28. Предположительно, Эмиль Аугсбург (Emil Augsburg, 1904 - ок.1981) – эксперт СД по русским и польским вопросам, сотрудник Ваннзее-Института в Берлине. Офицер т.н. «Передовой команды Москва» (Vorkommando Moskau), входившей в айнзагруппу В, штаб-квартира которой дислоцировалась в Смоленске. Получив ранение во время бомбардировки, вернулся в Берлин. Штурмбаннфюрер СС (1944). Избежав плена, служил в 1947-1968 гг. в Организации Гелена (впоследствии Bundesnachrichtendienst, или BND, - контрразведке ФРГ) экспертом по русским вопросам.

29. 12 января 1944 г. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК) объявила о создании «Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров». Председателем комиссии был назначен главный хирург Красной Армии, академик Н.Н. Бурденко, членами – писатель А.Н. Толстой, митрополит Крутицкий Николай, нарком просвещения академик В.В. Потемкин, председатель Смоленского облисполкома Р.Е. Мельников и др. В качестве главного судебно-медицинского эксперта выступал В.Ю. Прозоровский, главный судебно-медицинский

ноте со мной говорил и Беляев в Смоленске, и генерал Федотов в Москве, и потом после этого Меретуков вызывал днём, не ночью, а днём, и пришла стенографистка и стенографически записала эти показания, откуда этот блокнот.

Потом они всё время спрашивали: – В какой комнате это было? Не помню ли я комнату?

Я говорю, что не обращал внимания, был ли там номер, но вот от входа по коридору и потом направо. И это всё стенографистка записывала. Единственный случай за все эти годы, что я там просидел, один раз только вызывали стенографистку для дословной записи вот этого показания о блокноте. И у меня создалось впечатление, что это они тянут кого-то из своих. А это будет обвинительный документ против того сотрудника, потому что ко мне они никаких придилок с блокнотом не делали.

Ну, а о катынском убийстве спрашивали и Беляев, и все следователи, у которых я только был, вот этот Васильченко, который сопровождал меня в Москву, Евграфов, все спрашивали, был ли я там. Я говорю: – Был, 18 апреля 43-го года. – Что я видел? Я рассказывал то, что я видел³⁰.

– Борис Георгиевич, а вы были на эксгумации?

– Нет, там уже были вынутые тела, лежали штабелями. Я рассказывал, что я видел. Доехали на машине до 15-го км по Витебскому шоссе, потом свернули налево. Как въехали в лес, сразу ударил в нас запах страшный, трупный. И действительно, немножко проехали и увидели, что вырыты зигзагами такими траншеи, и по бокам лежат трупы этих самых польских офицеров. Все с погонами, у всех кокарды, у некоторых – красный крест вместо офицерской кокарды. Видимо, врачи были. У всех руки завязаны верёвкой за спиной, и у всех дырка вот в этом месте (на затылке).

Это я говорил им. Правда, я не добавил только одного из того, что действительно видел, что... Во-первых, я не назвал фамилии – там два генерала отдельно лежали. Я сказал: – Там два генерала отдельно лежали.

Но фамилий я их не назвал, будто бы я не помню, хоть я помнил: один – Сморовинский, из Люблина, другой – Богатыревич, из Модлина. И потом я не сказал о том, что возле них валялся сосенник. Могилы эти были засыпаны сосенником. Вот это я им не сказал. Молодые сосенки, которые росли на этих могилах. А немцы там ни одного деревца не посадили, они только рубили.

– Борис Георгиевич, а почему вы генералов не назвали?

– Да ну! Очень хорошо много помнить – тоже плохо.

эксперт Наркомздрава СССР и директор государственного НИИ судебной медицины Наркомздрава СССР, впоследствии один из двух свидетелей от СССР (вместе с Б.В. Базилевским!) на заседании Нюрнбергского трибунала по Катыни 1 июля 1946 г. Результаты работы комиссии (немецкая ответственность за расстрелы) были представлены на пресс-конференции для зарубежных журналистов, состоявшейся в Катыни 22 января 1944 г.

30. См. наиболее полное описание в: Меньшагин, 2017. С.78-79.

Без фамилии

– *Борис Георгиевич, а вы мемуаров не пишете?*

– Я писал. Писал во Владимире³¹. Помню, в 52-м году. Значит, туда я прибыл вечером 30 сентября. Вот тогда этот офицер встречал и сказал, что фамилии вы лишены.

Ну, меня посадили в 3-м корпусе. Камера на 32 человека, но я один. Страшный холод был. Помню, что очень мучился от холода. На другой день одежду, которую выдали на Лубянке, это самое пальто и костюм, и шляпу, и бельё, и рубашку – всё отобрали. Повели в баню, а когда я вышел из бани одеваться, то ничего не обнаружил, а лежала бязевая пара белья, полосатые брюки и полосатая куртка, синий бушлат. Ну, всё равно, было холодно там. Я в этой камере пробыл до 3 декабря того же 51-го года. Значит, октябрь, ноябрь и вот три дня декабря.

А после этого: – С вещами! – и повели в корпус больничный, так называемый. Там – маленькие камеры на двух человек. И вот в одной из них заперли. Земляной пол был там. Так, полуподвальное помещение. И в этой камере я пробыл с 3 декабря 51-го до 10 июня 55-го. Три с половиной года. А 10 июня 55-го пришёл заместитель начальника тюрьмы по режиму Малыгин, спросил, есть ли вопросы, я говорю: – Нет.

– Я вас переведу в другую камеру. Там вам лучше будет.

Ну, если лучше, так конечно, хорошо.

Он ушёл, старший по корпусу сейчас:

– Собирайтесь с вещами, и вас в хорошую камеру переведут.

Ну... На третий этаж, 48-я камера была. Эта – седьмая, снизу. Тоже на два места камера. Но там, во-первых, светлее, теплее. Тёплая камера. И потом, это было в прилив либерализма, так что сняли козырьки с окон, и постовых прежде было два в каждом коридоре, поэтому один идёт в одну сторону, а другой в другую, и всё время смотрят, а тут сократили, одного оставили. И вот когда он по телефону разговаривал, – слышно, что он по телефону разговаривает, – я делал так: становился на табуретку и смотрел в форточку. А под окнами – прогулочные дворы.

Таким образом я увидел людей: Андреева Даниила³² увидел, вы спрашивали меня про него, знаю ли я его, вот я видел, как он босой ходил зимой

31. См. в предисловии.

32. Андреев Даниил Леонидович (1906-1959), поэт и мистический философ. В 1947 г. арестован и осужден на 25 лет. Во Владимирской тюрьме находился с 1948 до реабилитации в 1957 г. В тюрьме работал над трактатами «Роза мира» (его главное сочинение) и «Железная мистерия», поэмами «Навна» и «У демонов возмездия» и др. произведениями. 10 ноября 1954 г. Андреев в заявлении на имя Председателя СМ Г.М. Маленкова писал: «Не убедившись ещё в существовании в нашей стране подлинных, гарантированных демократических свобод, я и сейчас не могу встать на позицию полного и безоговорочного принятия советского строя». 2 мая 1956 года завершается работа над (1950 – 1956). 10 августа 1956 г. из лагеря освобождают его жену, 24 августа – их первое после его и ее арестов свидание. А.А. Андрееву. Накануне, 23 августа, Комиссия Президиума

по снегу. Потом, Шульгина я узнал, Василия Витальевича³³, бывшего члена 2-й, 3-й и 4-й Государственных Дум, которого советские украли в Югославии ночью. Схватили его, взяли на самолёт и привезли в Москву и дали 25 лет тоже на Особом совещании.

Он сидел с грузином Бериашвили³⁴. Их группа была: Гогоберидзе³⁵, Бериашвили и Папаридзе, кажется. Они из Франции уехали, когда началась война с Советским Союзом, в Турцию, в Турции перешли границу советскую. Их там поймали. Вот им, значит, шпионам, по 25 лет дали тоже на Особом совещании. Они сидели там.

Потом этих украинкок³⁶ узнал, и они узнали меня. Потом стали перестукиваться. Нет, перестукиваться – это я ещё внизу сидел. Это 54-й год был. Стали стучать, а я не понимаю: знаю, что это азбука Морзе, но сам я азбуки не знаю. Поэтому так – тук-тук-тук – постучишь, и всё. Что, дескать, слышу. И вот однажды я гулял на дворе прогулочном, из соседнего спрашивают: – Какая гуляет? – Я говорю: – Седьмая. И вдруг – шлёп – какой-то пакетик. Привязана к камушку бумажка, и на ней написана азбука Морзе. И вот, когда я вернулся, сразу застучали, и я смотрел на азбуку и отвечал им.

Был украинец, Гнатюк. Он и второй, фамилию его не называли, он не по этому делу. Они отбывали наказание в Воркуте. И вот когда Берию посадили, там произошёл мятеж, забастовка этих заключённых-украинцев. В них стреляли, они оба, которые в камере, ранены были там, и привезли их сюда, заменили тюремным заключением лагеря. Вот поместили их в больничный этот корпус, в полуподвальный этаж. А одного была фамилия Гнатюк, Иван Николаевич. Он так себя рекомендовал. Я спросил, за что он. Он сказал, что был партизаном. Значит, которые идут у нас под названием «бандеровцы».

Верховного Совета СССР снизила ему меру наказания до 10 лет тюрьмы. 21 июня Пленум ВС пересматривает дело Д.Л. Андреева и отменяет обвинения в его адрес. 11 июля 1957 года Андреева реабилитировали.

33. Шульгин Василий Витальевич (1878-1976), депутат Госдумы и публицист, эмигрант. Арестован в январе 1945 г. в г. Сремски Карловцы. Во Владимирской тюрьме содержался в 1945-1956 гг. (приговорен к 25 годам, освобожден по амнистии), писал воспоминания.

34. Бериашвили Шалва Несторович (1899-??), литератор. Арестован 13 января 1943 г. следственной частью по особо важным делам НКГБ СССР, осужден за участие в контрреволюционной группе ст. 58-1а, 58-11. Освобождён 14 сентября 1956 г.

35. Гогоберидзе Симон Леванович (1910-??), грузинский социал-демократ (меньшевик), участник вооруженной борьбы с большевиками в 1921 и восстания в 1924 гг. Был послан Н. Жордания в 1942 г. в Грузию через Турцию для рекогносцировки политической ситуации. Во Владимирской тюрьме - сокамерник Д. Андреева, В. Шульгина и Р. Пименова (Б.Н. Романов, *Вестник, или Жизнь Данила Андреева: биографическая повесть в двенадцати частях*. С.457-459). Арестован следственной частью по особо важным делам НКГБ СССР, осужден за участие в контрреволюционной группе ст. 58-1а, 58-11 20 октября 1942 г. Освобождён из Владимирской тюрьмы 14 сентября 1956 г. одновременно с Бериашвили. Умер в Грузии ок. 1970 г.

36. На том же третьем этаже, где и Меньшагин, в конце 1960-х гг. сидели женщины-политзаключенные, среди них три оуновки-«западэнки» – связанные Романа Шухевича: Галина Томовна Дидык (1912-1979), Екатерина (Катерина) Мироновна Зарицкая (1914-1986) и Дарья (Одарка) Юрьевна Гусяк (р.1924). Далее речь идет об украинцах-«бандеровцах».

Я назвал себя тоже. Потом их перевели. Помню, это было 11 мая, как раз день, когда со мной катастрофа произошла в 45-м году. В этот день их переводили. Помню хорошо. Я как раз сказал, что сегодня у меня такой траурный день. Ну, и пошло дело до Петрова дня, значит, 12 июля 54-го года.

Вдруг приходит в этот день заместитель начальника по оперчасти, Крот³⁷. И говорит:

– Вы же знаете, что вы фамилии лишены, что вам нельзя называть фамилию свою! Зачем же вы перестукивались и называли свою фамилию? Если бы были ещё такие же люди, как вы, ещё другой разговор, а те – бандиты! Убийцы! Вот сейчас они перешли в корпус и всем рассказали, что вот сидит человек, лишённый фамилии!

Ну что ж, ничего не скажешь. Действительно, было такое дело, что я рассказывал. Значит, я ничего ему не ответил.

– *Никаких кар не применяли?*

– Нет. «Не надо так делать! Не надо так делать!»

– *И сколько времени вы были без фамилии?*

– Без фамилии я был до декабря 54-го года. Значит, ровно три года. С 1 октября 51-го года до декабря 54-го. А в 54-м году зашёл один офицер и говорит: – Вам возвращена фамилия, вы можете пользоваться ею.

Мемуары

А ещё в 52-м году начальник тюрьмы Журавлёв³⁸ как-то делал обход Владимирской тюрьмы и говорит:

– Ну, что вы делаете?

Я говорю: – Читаю вот.

– Вы бы мемуары писали.

Я говорю: – Так на чём же я писать буду?

– Если вы хотите, я дам приказание, чтобы вам давали бумагу. Будут давать по пять листов три раза в месяц. 15 листов в месяц.

Ну, и давали. И вот, помню, в день своих именин, 15 мая 52-го года, ровно через год после того случая, я начал эти мемуары писать³⁹.

Я начал с предвоенной ситуации, войну, как я в первый день войны, 22 июня 41-го года уехал в Москву на процесс, что там я видел, какие разговоры там слышал, что уже взяты и Варшава, и Хельсинки, и Бухарест. Эти разговоры происходили в магазине. Помню, я зашёл пол-литра взять: я у шурина своего останавливался. Там очередь стояла, и разговор такой был, что мы уже

37. Давид Иванович Крот.

38. Подполковник госбезопасности М.И. Журавлев был начальником Владимирской тюрьмы в 1949–1953 гг.

39. Работа над ними закончилась 6 июня 1955 г., спустя 3 с лишним года. Все это время Меньшагин находился в камере 2-7.

взяли. А наутро, там ещё был, я услышал, что оставлены Брест и Ломжа⁴⁰. Вот. Значит, далеко не Варшава и не Хельсинки.

Это я всё писал и потом – свою деятельность. Как меня забрали немцы на улице 22 июля 41-го года. На улице забрали в лагерь. А потом на другой день приехал офицер и меня вызывает по фамилии. Оказывается, один мой подзащитный – он был осуждён на семь лет по 58-10 и находился уже в Мордовских лагерях, а в 39-м году жена его просила меня возбудить это дело, и вот я истребовал его дело, написал жалобу и был у Голякова⁴¹, председателя Верховного суда СССР, тот истребовал дело, приговор был отменён до нового рассмотрения, при новом рассмотрении в мае 40-го года, – уже я его защищал там, на месте, – он был оправдан и из тюрьмы освобождён. И вот он и жена его говорили (он учитель и она учительница), что они никогда в жизни не забудут, что вытащил я его из этой тюрьмы. А в 41-м году, когда немцы пришли, я жил с семьёй своей на террасе у своего друга, тоже защитника, потому что наша сгорела квартира. А он с ним – старый знакомый. Пришёл проведать, увидел, что я там. Он, помню, принёс картошки нам и что-то ещё. И сказал:

– Что вы сидите, надо в город идти, там немцы магазины все открыли, кто хочет, всё брал.

Но поскольку мы не ходили и ничего не получили, то он притащил нам картошки. На путях где-то там вагон стоял, они разобрали эту картошку. И вот когда он пришёл, то узнал, что я пропал: ушёл и не вернулся 22-го. А он уже в комендатуре предложил свои услуги и показывал, что где находится: где там мастерская какая была, какой завод... И он сказал им, что вот, человек пропал вчера, дескать, он адвокат, ну, хвалил, конечно, меня. И комендатура прислала зондерфюрера, он приехал туда и вызвал меня. Когда привезли в комендатуру, комендант таким лающим тоном стал говорить:

– Русские сами должны обслуживать себя! Русские сами должны заботиться о себе! Немцы не должны заботиться о русских! Русские сами должны заботиться о себе!

Повторял раз десять.

– Вы должны сделать городское управление! Мы назначили начальником города профессора Базилевского. Вы знаете Базилевского?

Я говорю: – Вообще так не знаком с ним, но знаю.

– Вот, вам надо помочь ему. Вам надо вместе с ним прийти завтра к нам сюда. Вы знаете, где он живёт?

Я говорю: – Знаю.

– Вот приходите вместе завтра к нам. А сейчас идите домой и обрадуйте свою семью.

Я говорю: – А меня опять на улице не заберут?

Он тогда написал мне бумажечку маленькую, дал.

40. Брест был оккупирован вермахтом 22 июня, а Ломжа – 24 июня 1941 г.

41. Голяков Иван Терёньевич (1888-1961) — в 1938-1948 гг. Председатель Верховного суда СССР.

– *Борис Георгиевич, а на каком основании вас забрали?*

– Там советские войска стояли на окраине Смоленска и обстреливали город. Это, как теперь я узнал, армия генерала Лукина, которому дали Героя Советского Союза, теперь дали за те дела⁴². Есть на окраине Смоленска так называемая Покровская гора и Шкляная гора. Там артиллеристы стояли, и артиллеристы стреляли по городу. В соборе проббили одну главу. И поэтому немцы всех мужчин оставшихся стали забирать в лагерь. Я шёл, жандарм увидел и закричал: «Хальт!» Показывает пальцем – сюда. Нас ведут. Куда ведут, никто не знает ничего. Говорят, немцы объявление повесили, что за каждого убитого немецкого солдата будет пять расстреляно русских. Что, якобы, убили солдата немецкого, и вот ведут на расстрел. Но я говорю: – Здесь же больше пяти уже.

– Ну, может, двоих убили, значит, надо десять расстрелять.

В общем, никто не знал ничего. Завели в деревню одну пригородную и в хлев туда загнали. В этом хлеве мы сидели. Это 22-го. А 23-го я уже вышел из хлева. Офицер меня этот вывез.

И вот я пошёл к Базилевскому. Жена его и он, бояться все. Базилевский рассказывал, что пришёл один, с немцем русский человек пришёл, в немецкой форме, кричал на него: – Быстрой! Шнель! Кричал: – Быстрой! – на Базилевского.

Ну, мы с ним пошли. А потом эта комендатура уехала. Один день никого не было. Потом приходим – новая комендатура, Базилевский стал отказываться. А этот немец говорит: – Мы сами решим.

Я тоже отказываюсь.

– Дайте паспорта ваши, – мой и его. – На другой день приходите.

Когда пришли, то они объявили, что я назначен начальником, а Базилевский – заместителем. А 25-го формировать управление стали уже мы.

Амнистия 1955 года

– *Скажите, пожалуйста, а амнистия на вас не распространилась?*

Амнистия была издана 17 сентября 1955 года, это когда Аденауэр приезжал к нам с визитом. Амнистировались лица, работавшие с немцами. Там сказано было, что не подлежат амнистии лица, осужденные за убийства и истязания советских граждан. А все остальные подлежали амнистии. Мне обвинения совсем не предъявлялись, чтоб я кого-нибудь убил или истязал. Речь шла не об этом.

42. Лукин Михаил Федорович (1892-1970) – генерал-лейтенант. Умело командовал войсками, сдержавшими немецкое наступление под Смоленском. 14 октября, пробиваясь с боями из Вяземского котла, был ранен и попал в плен, где ему ампутировали ногу. В 1945 г. прошел фильтрацию, но звание Героя Советского Союза ему даже посмертно присвоено не было (было – в 1993 г., когда уже и Меньшагина не было в живых, – присвоено звание Героя Российской Федерации).

Во Владимире была при тюрьме комиссия, местная. Постановили меня освободить. Куда-то послали на согласование. И вот согласование это шло, шло, шло... Никаких толков нет. Я стал писать по совету заместителя опера, что подлежу освобождению, а меня не освобождают.

И вот из Прокуратуры СССР пришло письмо 4 декабря 56-го года. Мне объявили, что ко мне амнистия применена не будет. Я много раз писал, чтоб объявили причины, потому что в указе сказано только два основания: убийства и истязания. Во-первых, мне суда никакого не было. Ведь я-то знаю, что внесудебным порядком тех лиц разбирают, для которых нет достаточных доказательств. Никакого толку, ничего, так и до самого конца. Так и не сказали, почему не применена амнистия.

– *А когда 25-летний срок был заменён 15-летним максимальным, тоже вы этого никак не почувствовали?*

– Тогда большие ожидания были, но мне не верилось. И вот почему. 26 декабря мы получили газету «Известия» с текстом основ уголовного законодательства, которые приняли на сессии Верховного Совета в декабре 58-го года⁴³. Я сразу посмотрел вводный закон. Там сказано: обратной силы не имеет.

– *А сколько времени вы в управлении работали?*

– Всю оккупацию. Фактически я вступил 30 июля 41-го года, а выехал 20 сентября 43-го года. Два года и два месяца.

... Мемуары я окончил своей явкой в следственные органы 28 мая 1945 года, в особый отдел 8-й дивизии в городе Карлсбаде, ныне Карловы Вары, в Чехословакии. Целая такая папка получилась, довольно толстая, лежала у меня в камере.

Потом я имел привычку читать и книги конспектировал себе некоторые... такого философского характера, или Ключевского⁴⁴ я законспектировал, Соловьёва. Они были куплены библиотекой по моей рекомендации.

– Где, во Владимире куплены?

– Во Владимире.

– Соловьёв?

– Да, Соловьёв Сергей Михайлович⁴⁵.

43. См.: «Закон об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // *Известия*. 1958. 26 декабря. С.2.

44. Ключевский Василий Осипович (1841-1911) – великий русский историк. Среди конспектов Меньшагина встречаются следующие работы Ключевского: «Курс русской истории» в 5 тт., «Боярская дума Древней Руси», «Императрица Екатерина Вторая», «Петр Великий среди своих сотрудников», «Лекции по русской историографии», «С.М. Соловьёв как преподаватель», «Памяти С.М. Соловьёва», «Памяти А.С. Пушкина», «Подушная подать и отмена холопства в России. Отмена крепостного права», «Курс лекций по источниковедению», «Терминология русской истории», «История сословий в России» (Архив Международного Мемориала).

45. Соловьёв Сергей Михайлович (1820-1879), великий русский историк. Среди конспектов Меньшагина встречаются следующие работы Соловьёва: «История России с древнейших времен» (Архив Международного Мемориала).

– И сейчас в библиотеке есть эти книги?

– Есть. Должны быть, если не порвали их. По-моему, его могила на Ново-девичьем кладбище, около монастыря. Сергей Михайлович там, Владимир Сергеевич⁴⁶, потом вот эта поэтесса, как её... Поликсена Аллегро⁴⁷, вся семья их там.

Когда подходить стал срок к концу, во-первых, я предпринял такую ещё акцию. Я написал заявление, что фактически я явился с повинной, как написано там, в следственном деле, 28 мая 1945 года. А срок мне признан с 7 июня, с того дня, когда прокурор дал санкцию на арест. А до этого я без санкции. Но фактически-то я сидел, это видно в деле. Десять дней, да. И что вы думаете? Прокуратура внесла представление в Верховный суд РСФСР и Верховный суд РСФСР в закрытом заседании рассматривал это дело и вынес определение: изменить постановление Особого совещания, и срок считать не с 7 июня, а с 28 мая. Так что эти десять дней я оттягал.

– И все 25 лет вы пробыли?

– День в день. День в день. С 28 мая 1945 года и до отправки из Смоленска 30 ноября 45-го года я был всё-таки с людьми ещё. А уже с 30 ноября 45-го года, на Лубянку когда прибыл, здесь – одиночка, и до 26 июля 63-го года, до Мамулова⁴⁸. Потом Мамулов с 26 июля по 10 ноября того же 63-го года, значит, три с половиной месяца. Потом я опять один. До 22 января 64-го года, когда меня – к Штейнбергу⁴⁹.

Дела мои библиотечные отобрали, от библиотеки меня отстранили, и со Штейнбергом я просидел с 22 января 64-го до 8 января 66-го, когда он был освобождён досрочно. Ему меньше года оставалось ещё до срока, но я стал ему рассказывать о своих делах, о которых я частично вам сейчас рассказывал. А он считал, что раз решено, то никаких пересмотров, ничего, и я ему советовал подать жалобу. Он подал, и ему переквалифицировали с 58-1б на 193-17 (это – преступление военнослужащего) и наказание сократили до фактически отбытого. Он был девять лет и его выпустили в 66-м году, меньше девяти лет, ну, около девяти. Выпустили, и он мне прислал 10 рублей за то, что я его подтолкнул на это дело. Гонорар.

Какой хороший котик! У меня в Княжей Губе есть кот, то же самое, собственный⁵⁰.

46. Соловьёв Владимир Сергеевич (1853-1900), русский религиозный философ, сын С.М. Соловьёва.

47. Соловьёва (Allegro) Поликсена Сергеевна (1867-1924), поэтесса, дочь С.М. Соловьёва.

48. Мамулов (Мамулянец) Степан Соломонович, (1902-1976), бывший генерал-лейтенанта госбезопасности, служившего в НКВД у Берии начальником секретариата или одним из его замов, курировавшим в том числе и ГУЛАГ.

49. Штейнберг Матвей (Матус, Макс) Азарьевич (1904-1997), советский разведчик, майор госбезопасности.

50. О своем коте, Барсике, Меньшагин с нежностью писал в письмах В.И. Лашковой и Г.Г. Суперфину в первой половине 1970-х гг.

– Скажите, Борис Георгиевич, а вы можете отлучаться надолго из дома престарелых, вас не лишат?

– Дом престарелых даётся не из любезности, а потому что бродяжничество ведь запрещено. И престарелые должны находиться в доме. Почему меня поместили? Как объяснил Завьялкин⁵¹, что я должен благодарить.

– Куда же вы пойдёте?

– Я говорю, что ночь я переночевал бы во Владимире где-нибудь, даже на вокзале, а потом я поеду в Москву разыскивать чьи-нибудь следы.

– Нет, это так нельзя. Вам жить негде, и у вас денег нет. На какие средства вы будете ездить? Мы хлопотали о вас, чтобы вам дали пристанище, и дали: вот, Князегубский дом престарелых и инвалидов, в пригороде города Кандалакша Мурманской области⁵².

По правилам распорядка, утвержденным Министерством социального обеспечения инвалидов и престарелых, отпуск разрешается на месяц. Ну, а так... ведь им даже выгодно. Я там являюсь председателем культурно-бытовой комиссии по выбору коллектива этих жителей и участвую в составлении меню питания, что неохотно, очень неохотно принимают служащие, которые занимаются этим делом. И потом там, конечно, в большинстве – люди, давно потерявшие всякий смысл человеческий. Ну, есть некоторые.

Вот один, в прошлом году прибыл, сотрудник Комитета государственной безопасности СССР из Москвы. У него семья здесь живёт, жена и дети. Тёплый переулок, недалеко от Парка культуры, Кропоткинской. Он был осуждён на восемь лет за изнасилование несовершеннолетней. Отбыл шесть лет, досрочно его освободили, но в Москве ему не дали прописки. А так как он уже в возрасте, то направили его в дом престарелых и инвалидов. Чтобы добиться прописки, ему нужно ждать восемь лет – погашения судимости. Это 57-я статья Уголовного кодекса СССР, действует ещё и сейчас.

«История – мое любимое занятие»

... История – моё любимое занятие. Я очень любил историю. Даже когда кончал гимназию, там мне записали, что проявлял склонность к анализу исторических процессов и пониманию их.

– А где вы окончили гимназию?

– Гимназию я окончил в Бежице (теперь часть Брянска), в 1919 году, ещё в последний год, когда она ещё существовала, а потом её реорганизовали, и там по-другому пошло...

51. Полковник внутренней службы В.Ф. Завьялкин был начальником Владимирской тюрьмы в 1964–1976 гг. Именно он выпускал Меньшагина на свободу, предварительно изъясв его воспоминания.

52. О быте и порядках в этом доме см.: Меньшагин, 2018.